

На правах рукописи

ДОДИНА Резида Рустамовна

**ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОПРИНЯТИЕ
РУССКИХ, ТАТАР И ЧУВАШЕЙ
ТАТАРСТАНА**

Специальность 19.00.05 - социальная психология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Ярославль – 2008

Работа выполнена на кафедре социальной и профессиональной психологии Института экономики, управления и права (г. Казань)

- Научный руководитель:** доктор психологических наук, профессор
Юсупов Ильдар Масгудович
- Официальные оппоненты:** доктор философских наук, профессор
Нажмудинов Гаджи Магомедович
- доктор психологических наук, профессор
Почебут Людмила Георгиевна
- Ведущая организация:** Удмуртский Государственный университет

Защита диссертации состоится «   » октября 2008 г. в   часов на заседании диссертационного совета Д 212.002.02 при Ярославском государственном университете им. П.Г.Демидова по адресу: 150057, г. Ярославль, проезд Матросова, д. 9

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова

Автореферат разослан « ____ » _____ 2008 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Клюева Н. В.

Общая характеристика исследования

Актуальность. В кризисные периоды существования государства социальные и экономические противоречия в обыденном сознании получают этническую интерпретацию, трансформируясь в проблемы взаимоотношений этнических общностей. Социальная напряженность закономерно перерастает в межэтническую, поскольку изначальной особенностью этнического взаимоотношения является его дихотомичность с тенденцией делить весь мир на «своих» и «чужих» (Л.С. Выготский, 1982). Детерминантой выступает сопоставление своей (ингруппы) и иноэтнической (аутгруппы) общности. В результате сопоставления рождаются этнические авто- и гетеростереотипы.

Когда возникают социальные катаклизмы, начинается формирование негативного стереотипа соседствующего этноса с последующим созданием его «образа врага». Вероятность вспышки межэтнического конфликта тем выше, чем выше этнокультурные сходства народов в сочетании с территориальной близостью проживания. С этого в 80-е годы XX столетия начинался конфликт в многонациональной Югославии, завершившийся распадом государства; подобная участь постигла СССР, симптомы нарастающей межэтнической напряженности в котором проявились в армяно-азербайджанском конфликте в Карабахе, абхазо-грузинском в Сухуми, киргизо-узбекском в Фергане. Подобные ситуации, и по сей день, заставляют содрогаться мир от межнациональных конфликтов.

Перерастание имажинитивных образов соседствующего народа в агрессивно направленное против него поведение служит индикатором активизации групповых процессов по защите и сохранению своей этничности. В условиях демократии и гласности рост этнического самосознания стимулирует бытовой национализм в сфере межличностных отношений, а в массовом сознании актуальной становится политическая форма защиты этничности (Т.В. Таболина, 1989). Исторически проживающих в Среднем Поволжье титульных народов (мари, мордва, русские, татары, удмурты, чувашаи), распад СССР не вверг в межэтнические конфликты в период «парада суверенитетов». Сохранность в регионе межэтнической толерантности в 90-е годы и поныне вызывает интерес политиков и ученых общественных наук.

Исключая экономические, социальные и политические предпосылки минимизации межэтнической напряженности, **социально-психологическая проблема** вопроса фокусируется на выявлении конкретных индивидуально-групповых представлений этносов, соседствующих на ограниченной территории, что выступает внутренней детерминантой их взаимного психологического принятия или отторжения в этноконтактной ситуации. На протяжении трехсот лет существования Российской империи вопрос изучения психологии этнических меньшинств Поволжья игнорировался. При коммунистической власти в СССР инициатива проведения этнопсихологических исследований пресекалась, а выполненные работы получали гриф секретности. На сегодняшний день образовался дефицит конкретных знаний в этой сфере общественных наук, за исключением

ограниченного списка публикаций, разрешенных начавшейся перестройкой в Советском Союзе (Л. М. Дробижева, 1985. 1994; А. А. Леонтьев, 1983; Г. У. Кцоева, 1985. 1986; А. Б. Мулдашева, 1991; Р. Н. Мусина, 1995; Г. У. Солдатова, 1991, 1998; В. А. Тишков, 1997; И. М. Юсупов, 2002, 2003, 2004 и др.).

Объект изучения - этническое самосознание этнофоров, как одна из организующих характеристик межэтнического восприятия и их взаимные представления об этнических соседях в Татарстане.

Предмет исследования – межэтническое взаимопринятие русских, татар и чувашей, определяемая взаимными этническими представлениями.

Цель – определить взаимопринятие трех народов Татарстана с учетом национальности, возраста, места проживания и социального положения этнофоров.

Задачи исследования:

1. Выявить взаимные этнические авто- и гетеростереотипы русских, татар и чувашей, проживающих в республике.
2. В количественном выражении установить взаимную дистанцированность трех народов Татарстана, дифференцированную для разных социальных слоев и возрастов этнофоров.
3. Изучить этноаффилиативные установки в поведении русских, татар и чувашей, проживающих в Татарстане.

Гипотеза исследования: этнопсихологическое взаимопринятие представителя соседствующего этноса проявляется в зависимости от социального положения, возраста и среды социализации этнофора.

Методологическую основу исследования составили устоявшиеся в социальной психологии категории этноконтактной ситуации (М. Arqyle, А. Furnham, J. Graham, 1981; Г. У. Солдатова, 1998); этноконтактной границы (F. Barth, 1969); этнической идентичности (Н. Markus, S. Kitauma, 1991; Е. Erikson, 1995; Т. Г. Стефаненко, 1987, 2004, 2006); внутригрупповой (внутриэтнической) солидарности (Р. Г. Абдулатипов, 1995; Ю. В. Бромлей, 1983; В. В. Знаков, 1998); концепции национального самосознания (Л. М. Дробижева, 1985), этноидентичности и культурных границ (В. А. Тишков, 1989); обоснованные индикаторы групповой сплоченности (Г. М. Андреева, 1997; А. И. Донцов, 1979) в контексте межэтнических отношений; концепция культурных синдромов (аллоцентризма-идеоцентризма) в этноаффилиативных тенденциях этнофоров (Н. Triandis, 1985, 1986; Т. J. Scheff, 1994).

Методы исследования: на разных этапах исследования, при решении отдельных задач, использовались различные методы сбора фактического материала и его обработки: 1) теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования, включающая обобщение, сравнение, систематизацию данных; 2) методы сбора эмпирических данных: этнопсихологическая анкета (В. Г. Крысько), методика «Этническая аффилиация», предложенная Г. У. Солдатовой, социально-психологический тест на этническую предубежденность (шкала Э. Богардуса); 3)

интерпритационно-описательные методы, в числе которых количественный анализ полученных данных методами математической статистики.

Достоверность результатов обеспечивалась опорой на концептуальные положения этнопсихологии, подтвержденные эмпирическими исследованиями; анонимностью респондентов при сборе эмпирического материала; репрезентативной выборкой общим объемом в 946 человек; математико-статистическими методами анализа.

Научная новизна:

1. Впервые реализована возможность исследования психологического аспекта этнического самосознания русских, татар и чувашей Среднего Поволжья. Рассмотрение психологического фона взаимоотношений данных этнических общностей никогда не ставился исследователями в качестве самостоятельной научной проблемы. Попытки исследования психологических компонентов этносов, наиболее представленных в Татарстане по численности предпринимались рядом этносоциологов и этнографов, но без привлечения психологических данных.

2. Впервые в количественном измерении по шкале Богардуса представлено этнопсихологическое взаимодействие трех наиболее многочисленных народов Татарстана: русских, татар и чувашей.

3. По частоте упоминаний этнофорами эмпирически выявлены взаимные представления о типичных национальных чертах трех соседствующих этносов в Татарстане.

4. Изучены этноаффилиативные тенденции в поведении русских, татар и чувашей, как внутриличностные проявления потребности в этнической принадлежности.

Теоретическая значимость:

1. Полученные эмпирические результаты исследования этнопсихологического взаимодействия народов Татарстана конкретизируют источник возможной межэтнической напряженности: представители татарской национальности, проживающие в сельской местности.

2. Выявлено, что близость психологического взаимодействия этносов не зависит от образовательного уровня этнофоров.

3. Сближающими факторами при межэтническом взаимодействии выступают молодость этнофоров и интенсивность межнациональной коммуникации в деятельности и быту.

4. Установлено, что содержательная сторона этнопсихологических стереотипов определяется теснотой кросснациональных и кросскультурных контактов этнофоров как в бытовых, так и в общественных отношениях.

Практическая ценность: полученные результаты и выводы проведенного исследования заслуживают пристального внимания со стороны средств массовой информации, политических структур, общественных организаций Республики Татарстан и Российской Федерации для сохранения и усиления межэтнической и межконфессиональной толерантности народов полиэтничных регионов России. Эмпирические данные и выводы исследования выполняют прогностическую функцию. Многие аспекты диссертационной

работы имеют прикладное значение для целого ряда областей научного знания: при подготовке и проведении этнопсихологических исследований, в составлении различных этнопедагогических программ, в практике преподавания этнографии, социальной психологии, этнопсихологии.

Апробация работы: материалы диссертации докладывались на научных форумах: IV Международная научно-практическая конференция «Этнодидактика народов России» (Нижекамск, 27 апреля 2006); III съезд психологов Чувашии «Психология и духовность человека в системе рыночных отношений» (Чебоксары, 3 ноября 2006); Международная научно-практическая конференция «Практическая психология: от фундаментальных исследований до инноваций» (Тамбов, 29 ноября 2006); Международная научно-практическая конференция «Психология XXI века» (СПб, 2007); Межвузовская научно-практическая конференция «Социальная психология сегодня: наука и практика» (СПб, 15 июня 2007); Всероссийская научно-практическая конференция «Человек в системе социальных изменений» (Уфа, 18-19 апреля 2007); Международная научная конференция «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии» (Смоленск, 29-30 мая 2008).

Положения, выносимые на защиту:

1. Взаимное этнопсихологическое принятие народов, проживающих на ограниченной территории, их ассимиляционные тенденции находятся в зависимости от социального положения, возраста и среды социализации этнофоров.

2. Между моноэтническими группами, компактно проживающими в сельской местности, межэтническая дистанцированность проявляется ярче, чем среди горожан тех же национальностей, что вызвано ограничением контактов; при этом образовательный уровень этнофоров на показатель межэтнической дистанцированности не влияет.

3. Наиболее представленные по численности народы в Татарстане (русские, татары, чувашаи) имеют сходство этнических авто- и гетеростереотипов, что свидетельствует о близости оценок и самооценок каждого из этносов и о позитивном взаимном образе своих иноплеменных соседей.

4. Этнопсихологические образы татар и чувашей не имеют контрастных отличий от образов русских, ассимилированных в Татарстане, что детерминировано тысячелетним взаимопроникновением культур славянских и тюркских народов в Поволжье. Ныне это проявляется в сочетании языков, имен, обрядов, традиций, народных праздников.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Список литературы содержит 143 источника, в том числе 15 - на иностранном языке. Текст диссертации изложен на 140 страницах, содержит 9 рисунков, 6 таблиц.

Основное содержание работы

Во введении обоснована актуальность исследования, выявлена проблема, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, выдвинута гипотеза, указаны методологические основы и применяемые

методы, обозначены научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, сформированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Социально-психологические проблемы этничности» представлен теоретический анализ проблемы этнического самосознания, содержание структуры этнического стереотипа, его механизмов, а также социально-психологической специфики трансформационных процессов в самосознании народов России. Сформулированы исходные позиции этнопсихологического исследования самосознания русских, татар и чувашей.

В параграфе 1.1. «Этническое самосознание и этническая идентичность» приводится анализ существующих на сегодняшний день точек зрения на проблему этнического самосознания, рассматриваются соотношения понятий «этническая идентичность» и «этническое самосознание», а также закономерности функционирования этих феноменов с привлечением накопленного эмпирического и теоретического опыта их изучения.

Впервые проблема этнического самосознания стала разрабатываться в контексте отечественных исследований истории и теории этноса (С.А. Токарев, 1964; К. В. Чистов, 1972; Ю. В. Бромлей, 1983), но ограниченность используемых в этнографической науке методов исследования обусловила невозможность полноценного рассмотрения такого многоаспектного явления. В социально-психологических и этнопсихологических работах (Г. У. Солдатова, 1998; Л. М. Дробижева, 1990, 1994; Н. М. Лебедева, 1995; В. П. Левкович, 1996 и др.), предметной областью которых является этническое самосознание, более последовательно стал применяться междисциплинарный подход к рассмотрению не только данной проблемы, но и всего комплекса внутриэтнических и межэтнических связей. В результате этническое самосознание предстает как важная функциональная характеристика отдельной личности (этнофора), группы и всей этнической общности в целом.

Этническое самосознание, в отличие от этнического сознания, - это более узкое отражение окружающей действительности, которое предполагает осознание специфики своей этнической общности через знание о «них» (В. П. Левкович, 1985). Этнопсихологический аспект рассмотрения этнического самосознания включает выделение трех уровней его проявления: личностный, групповой и общеэтнический.

Определяющей особенностью этнического самосознания является его дихотомичность, т. е. способность к разделению всех на «чужих» и «своих» (Б. Ф. Поршнев, 1966). В целом любое групповое самосознание невозможно без сопоставления, так как гораздо труднее рефлексировать черты своей общности, чем заметить отличие от других групп (Л.С. Выготский, 1982). В этой связи этническое самосознание - это осознание человеком своей отнесенности с определенным этническим «мы», которое соотносится с каким-то или какими-то «они».

Необходимым условием формирования и развития этнического самосознания включенность в этноконтактное пространство, которая дает толчок для осознания собственного отличия, а значит и специфики. Согласно

результатам многочисленных эмпирических исследований, специфическими чертами этнического сопоставления выступают: язык, черты характера, культурно-бытовые особенности и внешность. В условиях интенсификации межэтнических контактов и роста билингвизма народов повышается статус этнопсихологических особенностей как этноинтегрирующего-этнодифференцирующего признака (Г.В. Старовойтова, 1985).

Этническая идентичность как осознание сходства с этнической общностью является ключевым моментом функционирования этнического самосознания. Феномен социальной идентичности, начиная с З. Фрейда, который ввел термин «идентификация», изучают сторонники психоаналитического направления (концепция развития личности Э. Эриксона), приверженцы французской социально-психологической школы (теории социальных представлений С. Московичи, 1988), представители когнитивной психологии (теории социальной идентичности Г. Тэжфела и Дж. Тернера, 1986; самокатегоризации Дж. Тернера, 1988) и др. направления. Анализу основных отечественных работ в области социальной идентичности посвящены работы Н.А. Антоновой (1996), В.А. Ядова (1993).

Этническая идентичность как основной вид социальной идентичности является главным регулятором межэтнического взаимодействия. Г.У. Солдатова (1998), синтезируя различные точки зрения на природу этничности, выделяет следующие особенности: консервативность, мобилиционность, солидарность, групповая сплоченность, конфликтность, эмоциональность и управляемость из вне. Как личностная ценность этническая идентичность взаимосвязана с различными установочными образованиями (стереотипы, предубеждения, предрассудки и др.). Приоритет в исследовании данных образований на протяжении ряда десятилетий принадлежал исключительно западным ученым.

Параграф 1.2. «Анализ теоретико-эмпирических исследований по проблеме этнического стереотипа» посвящен рассмотрению основных подходов к проблеме этнических стереотипов, их функций и механизмов, а также особенностей трансформирования структуры этнического самосознания на примере исследования межэтнических отношений в России.

В разработке теории социального стереотипа, из которой закономерно выводится проблематика этнических установочных образований, заметны работы отечественных исследователей (Т. Г. Стефаненко, 1987; В. В. Знаков, 1998 и др.). С самого начала эмпирического изучения этнических стереотипов в нашей стране данные феномены представлялись не как негативные, а как естественные и закономерные образования в сознании человека и группы.

Этнический стереотип - это социально-перцептивный феномен, формирующийся в результате восприятия своей (ингруппы), либо чужой группы (аутгруппы). Соответственно возникает автостереотип и гетеростереотип. С социально-психологической точки зрения этнический стереотип следует рассматривать как социальный продукт, детерминированный различными социальными процессами, внутригрупповой и

межгрупповой активностью. Этнические стереотипы «... исторически наслаиваются в обыденном сознании» (Л. М. Дробижева, 1990).

Главным в этнических стереотипах являются не внутригрупповые, а межгрупповые изменения (Г. Тэжфел). В качестве объективированных в социальной действительности форм выражения этнических стереотипов поведения выступают: межнациональные браки, частота употребления национального языка, этнические предпочтения в общении, соблюдение национальных обычаев и т.д. Но нельзя говорить о прямой и непосредственной связи этнических образов, их содержания и поведением отдельного этнофора (Г.В. Старовойтова, Н. М. Лебедева), поскольку поведение человека побуждается не одним, а многими мотивами, находящимися в сложной взаимозависимости.

При характеристике этнического самосознания на различных уровнях его проявления, этничности и этнических стереотипов важно учитывать особенности их функционирования в условиях трансформации. Социально-психологический фон межэтнических отношений в России и бывших советских республиках как эмпирический контекст рассмотрения проблемы логически подводит к анализу сходных процессов и явлений в Республике Татарстан.

Актуальность проблемы качественных изменений в этническом самосознании, трактуемых как трансформация, впервые подчеркивалась отечественными исследователями в 1980-е годы, когда уже возникли локальные конфликты на Кавказе. В начале 1990-х годов произошел настоящий всплеск исследований данной проблематики (В. Ю. Хотинец, 1997; В. Н. Павленко, 1998 и др.), но уже в рамках создания целенаправленных научно-исследовательских программ в этой области.

Разрушение всей системы социальной идентичности в результате целого ряда объективных причин - это начало трансформации самой этничности. В условиях, когда этничность остается единственной массовой формой групповой самоидентификации, для подавляющего большинства этнических общностей процессы социальной трансформации обретают характер инициированных извне, а значит и этнически чуждых. Социальная напряженность закономерно перерастает в межэтническую, когда охватывает практически все этапы развития противоречий между этническими группами (Г.У. Солдатова, 1998). Потенциально любые межэтнические отношения, и даже субэтнические, предрасположены к развитию напряженности.

В качестве внутренней причины актуализации именно этнической идентичности Н.М. Лебедева (1996) отмечает возникновение у людей неуверенности в позитивности образа «мы-группа», увеличения роли эмоционально-аффективного компонента этничности в общей схеме социальной идентичности. В качестве важной предпосылки следует назвать наличие этнокультурной дистанции между группами (Э.В. Стоунквист, Ссорин-Чайков). В отечественных работах (В. П. Левкович и И. Б. Андрущак, 1995) культурную дистанцию предлагается рассматривать в рамках социальной

перцепции, т.е. как субъективно воспринимаемое этносом сходство или различие их культур.

При различных формах актуализации этничности особую роль приобретают различные социально-перцептивные механизмы, регулирующие межэтническое восприятие (внутригрупповая суггестия, внешнегрупповая контрсуггестия).

Рост интолерантного отношения к представителям других этнических общностей сопровождается трансформацией установочных образований: этнических образов в акцентировано негативные стереотипы, предрассудки, предубеждения (И. С. Кон, 1969).

Рассмотрение всего круга явлений, сопровождающих межэтническое восприятие конкретных общностей, в динамике его форм и видов позволяет понять совокупность причин нарастания межнациональной напряженности.

В параграфе 1.3. «Этничность в современном Татарстане» рассматриваются теоретические и эмпирические особенности формирования феномена этничности трех народностей – русских, татар и чувашей, наиболее представленных по численности в республике.

История досоветского периода свидетельствует о том, что совместное проживание русских, татар и чувашей на территории России сопровождалось параллельным сосуществованием трех, составляющих основу жизни каждого из народов этносов. Обзор литературы, посвященной анализу формирования русского общества, позволяет увидеть, что ее становление происходило как утверждение своей идентичности относительно Запада и Востока.

Основы татарского этноса начали складываться с эпохи Булгарского государства после принятия Ислама, сыгравшего роль разграничителя между булгарами-мусульманами и их соседями-язычниками. Начальный опыт взаимодействия свидетельствует о стремлении русского государства лишить татарское общество самодостаточности. В результате, в татарском обществе складываются отрицательные установки.

Вопрос о происхождении чувашского этноса в настоящее время остается открытым. Не вызывает сомнения лишь то, что чувашский этнос сложился в результате этнической миксации некоторых финно-угорских и тюркских племен, входивших в состав Волжской Булгарии, затем Казанского ханства.

Правление советской элиты началось с конструирования нового общества. Объединение народностей было достигнуто путем отказа от основных мировоззренческих основ – православия и ислама, общность была обусловлена существованием единого экономического и политического пространства и функционированием общесоветской идеологии. Надо отметить, что оценки значения советского периода для национальных культур расходятся. Ученые отмечают, как положительные стороны (М. И. Махмутов), так и отрицательные (Д.С.Лихачев, А.Солженицын, А.Фадеев, А. Фатхи, М. Усманов, М. Магдеев).

Русское, татарское и чувашское общество сосуществовали в течение 70-ти лет в условиях одного общесоветского универсума. Начавшийся с середины 1980-х гг. процесс демократизации общества, способствовал тому, что

различные социальные группы получили возможность заявить о своих интересах. При этом на первый план выдвинулись этнические ценности.

Сегодня идет параллельный процесс восстановления этничности народов бывшего Союза. Сравнивая эти процессы в русском и татарском обществах можно увидеть их асимметричность. По результатам опросов в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» в целом татары декларируют ориентацию на восточную культуру, чем на европейскую.

Одним из новых явлений в процессе воспроизводства этничности стала смена этнической вертикали с доминирующим русским этносом на горизонтальный тип отношений между народами бывшего СССР. Проведенный исследователями контент-анализ республиканской прессы в Татарстане показал, что идеи национального возрождения сильнее и ярче проявились у представителей титульной национальности. Слабая представленность русского возрожденческого движения в республике, по мнению Т. Соловей объясняется тем, что, занимая доминирующее положение в СССР, русские не ощущали давления и посягательства на свою идентичность со стороны государства и социального окружения. Восстановление русского общества происходит в более благоприятных условиях. Основное преимущество заключается в том, что сохранился его лингвистический инструмент – русский язык. Поэтому проблема восстановления духовного наследия значительно облегчается.

Конец XX-го столетия ознаменован явлением, названным этнологами «этническим парадоксом современности», характеризующимся, с одной стороны, унификацией материальной, духовной культуры, образа жизни людей во всем мире, с другой стороны – усилением этнических чувств, реанимацией этнических ценностей, «взрывом этничности».

Острота возникшей проблемы побуждает ученых к исследованию проблемы этничности. Попытки теоретического осмысления феномена были предприняты отечественными этнологами: Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижевой, Н. М. Лебедевой, А. А. Сукоколовым, В. А. Тишковым, С. В. Чешко и др. Проблемы этничности современных этносоциальных процессов в Татарстане стали предметом изучения в ходе ряда крупных исследовательских проектов: Современные этносоциальные и этнодемографические процессы среди татар Среднего Поволжья и Приуралья (198-1990 гг.) – рук.: Л. М. Дробижева, Д. М. Исхаков, Р. Н. Мусина; Международный проект «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации», «НИК», (1994-1995 гг.) - рук.: Л. М. Дробижева; Исследование «Новая русская диаспора»: социально-психологический анализ (1994-1995 гг.) - рук.: Н. М. Лебедева; Управление этническими конфликтами на территории бывшего Советского Союза – рук.: В. А. Тишков; Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности (1997 г.) рук.: Л. М. Дробижева; Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность (1999-2000 гг.) – рук.: Р. Н.

Мусина. Однако проблемы этничности современных этносоциальных процессов в Татарстане требуют дальнейшего изучения.

В результате теоретического анализа подход к проблеме этнического самосознания русских, татар и чувашей обусловлен тремя главными факторами: во-первых, особенностями этноструктуры русских, татар и чувашей, с которой связано строение их этнического самосознания; во-вторых, социально-психологическая традиция требует рассмотрения структурных компонентов этнического самосознания; в-третьих, изучение данных аспектов этнического самосознания как социального феномена, нуждается в конкретизации применительно к особенностям социально-политической ситуации в Татарстане.

Вторая глава «Эмпирическое исследование этнопсихологических особенностей русских, татар и чувашей, проживающих в Татарстане» посвящена описанию организации исследования и содержит интерпретацию результатов эмпирической части диссертационной работы.

Параграф 2.1. содержит описание выборки и процедуры исследования.

Исследование проводилось в 2007 году. Выборка в своей генеральной совокупности составила 946 человек из разных районов Татарстана (рис.1).

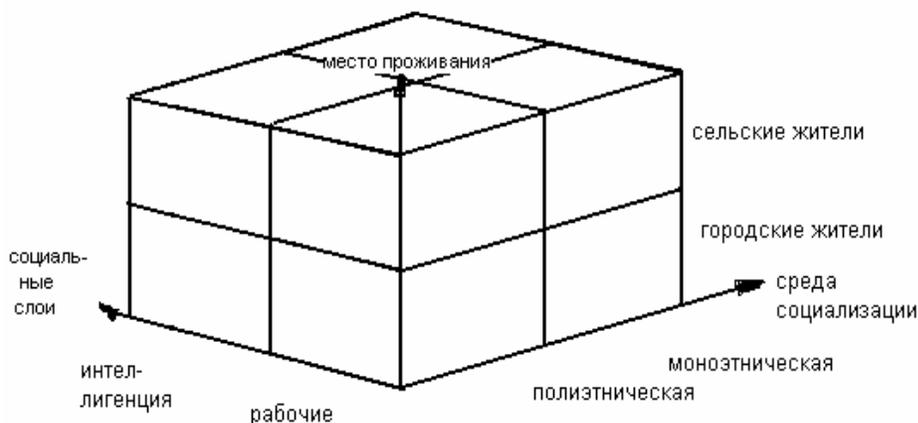

Рис. 1. Структура выборки испытуемых

С целью более структурированной интерпретации полученных результатов в анкетных данных испытуемым необходимо было указать пол, возраст, национальность, социальное положение или род занятий в настоящее время, а также принадлежность к сельской или городской местности. Регистрация и обработка данных проводилась по этнопсихологической анкете (И.М. Юсупов, 2002) и двум методикам: «Этническая аффилиация» (Солдатова Г.У., 1998) и социально-психологический тест на этническую предубежденность (шкала Богардуса, 1925).

Параграф 2.2. «Взаимная этнопсихологическая дистанцированность народов Татарстана» посвящен анализу результатов эмпирического исследования межэтнической дистанцированности русских, татар и чувашей, проживающих в Татарстане. Вычисленные значения взаимной этнопсихологической дистанцированности (ВЭД) для каждой выборки

представлены в виде векторов, указывающих направление и степень взаимоприятия своего национального соседа в республике (рис. 2, 3).

При многоосевом анализе результатов обращает на себя внимание очевидный факт взаимопроникновения национальных культур в кругу городской интеллигенции. При этом тенденции к ассимиляции и интеграции сильнее выражены у чувашской интеллигенции. Сельская интеллигенция Татарстана менее склонна к интеграции с соседствующими народами в республике, но, тем не менее, межэтнические отношения толерантны и не опускаются ниже уровня профессионального взаимодействия по шкале E.S.Vogardus. Более всех дистанцируются татарские интеллигенты села, стремясь сохранить национальную самобытность и культуру (в отношении русских $t=2,69$; $p<0,01$; в отношении чувашей $t=2,97$; $p<0,01$; при сравнении с городской татарской интеллигенцией $t=4,6$; $p<0,001$ по критерию Стьедента).

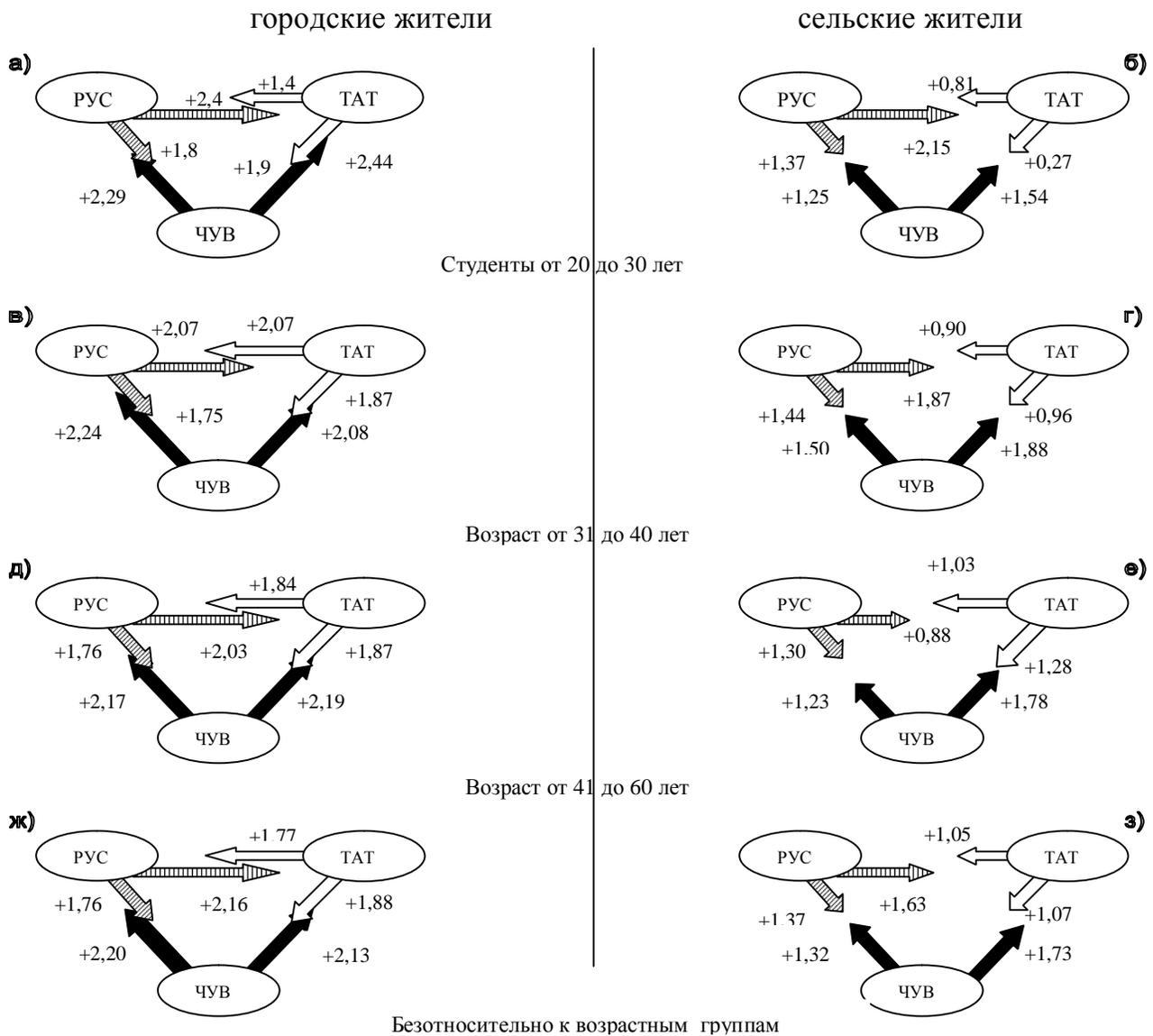

Рис. 2. Взаимная этнопсихологическая дистанцированность интеллигенции Татарстана.
Дистанция межэтнического общения показана векторами в масштабе.

Для сравнения была взята студенческая выборка, представители которой в ближайшем пятилетнем будущем пополнят ряды интеллигенции. Схожая картина обнаружилась у студентов-татар, родившихся и до ранней юности проживших в сельской местности. Уже в юношеском возрасте наблюдается дистанцированность сельских татар от других народов Татарстана (рис. 2,б). При этом выявлены следующие статистически значимые различия: в отношении русских $t=4,4$; $p<0,001$; в отношении чувашей $t=3,8$; $p<0,001$; при сравнении со студентами, родившимися в городе $t=4,1$; $p<0,001$. Объяснение выявленному факту может быть найдено в онтогенезе человека, когда он до юношеского возраста проходит несколько этапов социализации.

Студент из села, оказавшись в иной языковой среде, даже при удовлетворительном владении государственным языком, на котором проходит обучение в высшем учебном заведении, невольно обретает статус маргинальной личности. Не обладая требуемой для полиэтнического городского пространства этнокультурной компетентностью, он аффективно неадекватно оценивает специфику и условия взаимодействия с этнофорами из аутгруппы. Непривычная социальная обстановка, иной род деятельности, полиэтническая среда, обилие неформальных коммуникаций, ускоренный в сравнении с селом ритм городской жизни, наконец, отличная от жителей села ментальность горожан, - все в совокупности способствует дистанцированности сельского студента от своих сокурсников. Оказавшись после окончания университетов вновь в монолингвальном пространстве, но уже в статусе сельской интеллигенции, они становятся адептами сверхпозитивной этнической идентичности (рис. 2, б, г, е, з).

городские жители

сельские жители

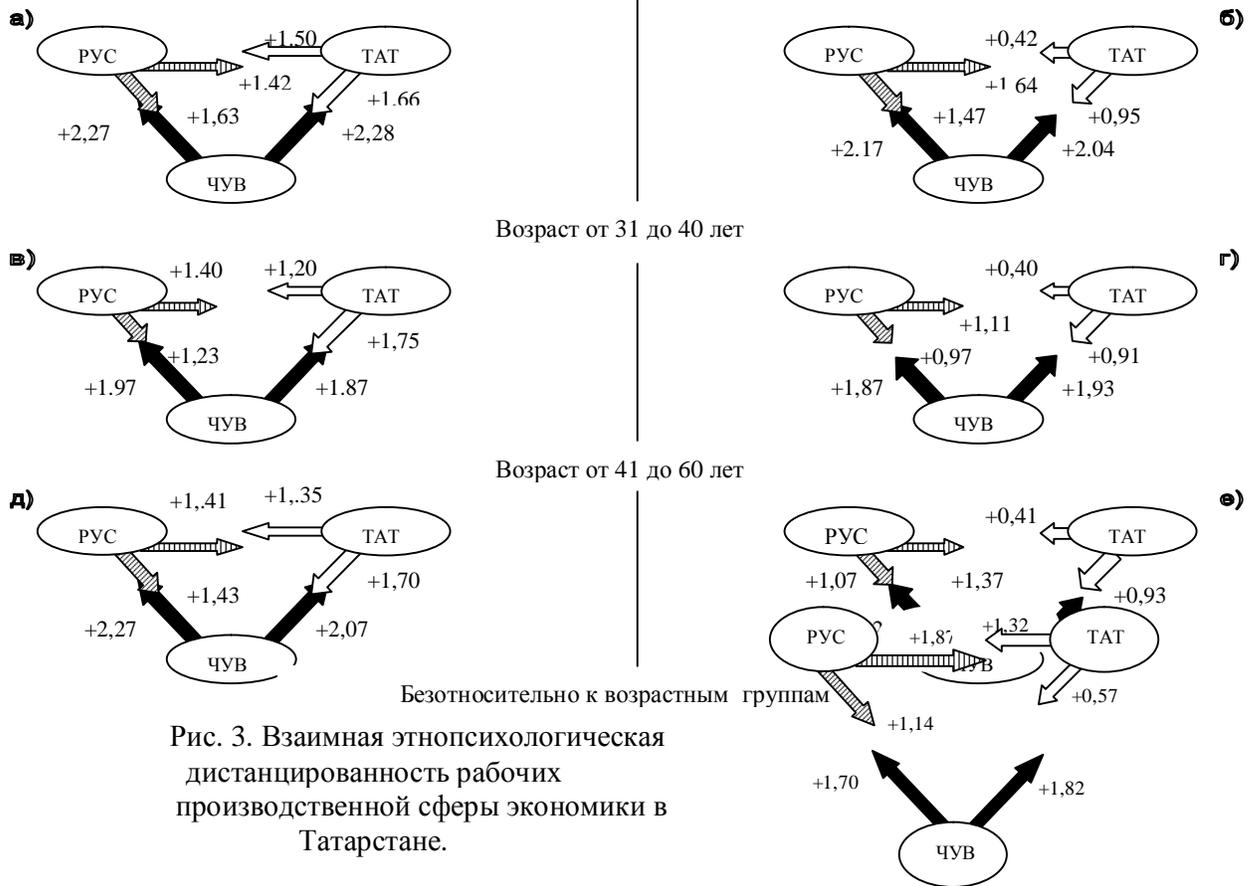

Рис. 3. Взаимная этнопсихологическая дистанцированность рабочих производственной сферы экономики в Татарстане.

Более рельефно демаркационная линия в этнокультурном (но не в производственном и политическом) взаимодействии татар с другими народами республики проступает у тружеников села (рис. 3, б, г, е). Сравнивая численные значения их дистанцированности с тем же показателем татарской интеллигенции в селе, нетрудно заметить различия в сторону уменьшения толерантности первых к иным многочисленным народам Татарстана ($t=3,86$; $p>0,001$), чего нельзя сказать о рабочих производственной сферы городского населения (рис. 3. а, в, д). Численные значения скрещивающихся векторов ВЭД наглядно демонстрируют этнокультурную диффузию, возникающую в совместной деятельности и исторически детерминированную развитием промышленного производства в республике. Объяснение эмпирически обнаруженному факту можно найти в трудах классиков психологии, доказавших определяющую роль

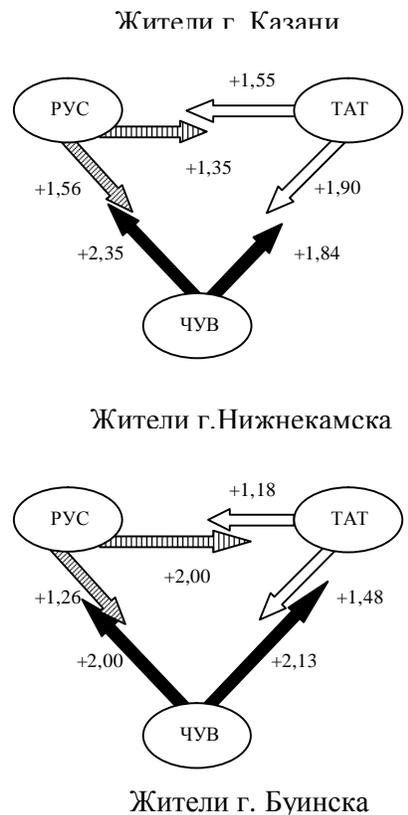

Рис. 4. Взаимная этнопсихологическая дистанцированность жителей культурно-промышленных центров Татарстана

деятельности в формировании сознания, в том числе и этнического [А.Н. Леонтьев, 1975].

Было бы слишком упрощенно искать объяснение обнаруженному феномену в естественной ассимиляции народов Среднего Поволжья, проживающих в едином экономическом пространстве. Взаимопроникновение их культур имеет тысячелетнюю историю. К тому же следует учесть существовавшую в бывшем СССР организованную миграцию рабочей силы и специалистов на новостройки социализма. На протяжении XX века в Татарстане выросли новые промышленные города с полиэтничным населением до полумиллиона человек. За вторую половину минувшего века мигрантов первого поколения сменили внуки от интернациональных браков, что отразилось на сближении межэтнической дистанции. Подтверждение сказанному обнаруживается в результатах исследования этнопсихологического взаимопринятия жителей культурных и промышленных центров республики (рис.4).

При сравнении того же показателя по возрастным группам населения республики высветилась картина, которая в наблюдениях при межличностном общении не очевидна (рис.5). Видно, что старшее поколение, родившееся до и во время II мировой войны, не склонно породниться с иноэтничными соседями и взаимодействует с ними только в профессиональном плане. Родившиеся в 60-70-е годы XX столетия и прошедшие социализацию в многонациональной среде, сокращают дистанцированность до добрососедских отношений. Молодежь, появившаяся на свет в последней четверти ушедшего века, готова войти в отношения с этнофорами из аутгруппы ближе, чем просто дружеские.

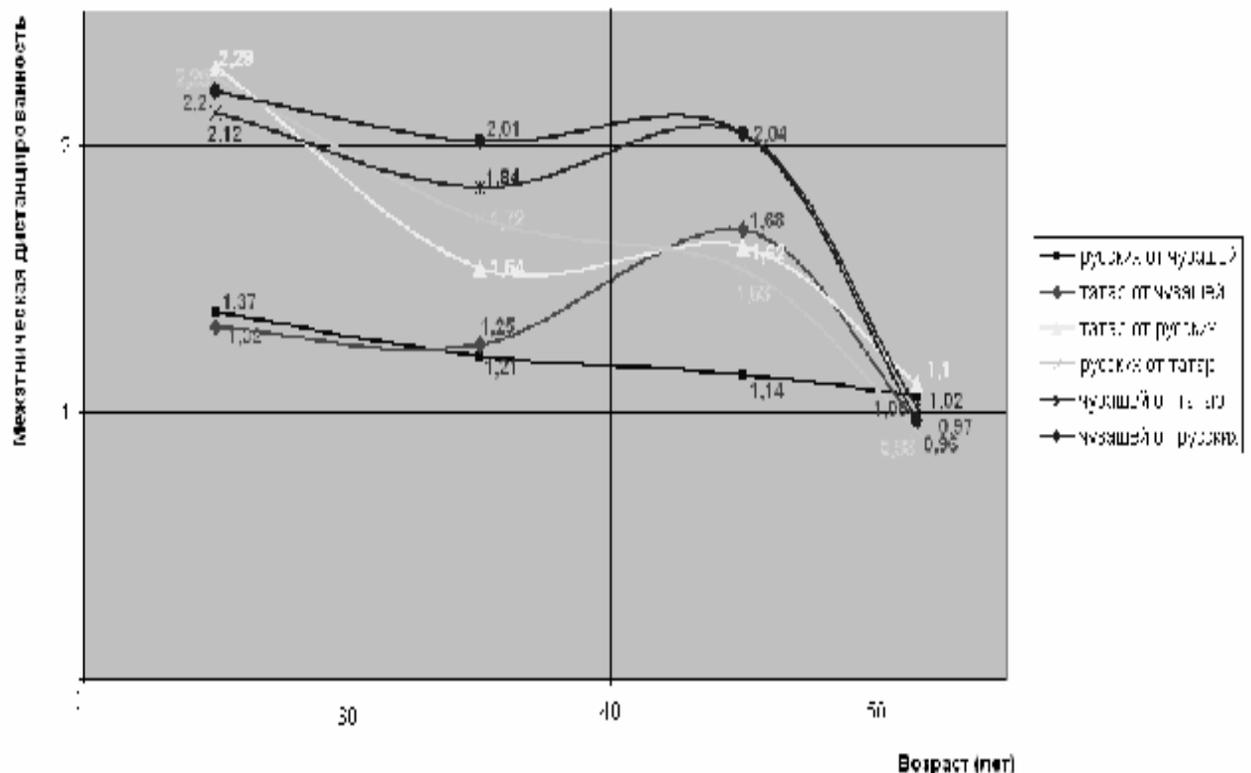

Рис. 5. Взаимная этнопсихологическая дистанцированность разных возрастных групп населения у народов Татарстана

На сегодняшний день межэтническая напряженность среди городского населения Татарстана отсутствует. Массовых деформаций этнического самосознания, известных как феномены этнонигилизма, ксенофобии, у титульной национальности и соседствующих с ней народов не наблюдается. Семисотлетнее взаимопроникновение культур славянских, тюркских, финно-угорских народов сформировало свой уклад жизни, комплементарно сочетающийся в языках, именах, обрядах, нравах, обычаях. Отсюда и берет начало специфическая ментальность, которая может быть охарактеризована как ригидно-толерантная в отношении инородцев и инноваций.

В параграфе 2.3. «Характеристика этноаффилиативных тенденций в поведении русских, татар и чувашей» представлен анализ этноаффилиативных установок в поведении представителей русской, чувашской и татарской национальностей. В соответствии с целями исследования нами был использован опросник, разработанный Г. У. Солдатовой, для изучения этноаффилиативных тенденций на личностном уровне. Для подтверждения или опровержения предположения о наличии различий в потребности в этнической принадлежности трех этносов был применен критерий Краскела-Уоллеса.

Сравнительный анализ полученных данных показал, что уровень этнической аффилиации не превышает критических значений, т. е. ответы респондентов по всем направлениям анализа занимают усредненные позиции. При этом потребность в этнической принадлежности выше у представителей татарской национальности, а заниженные показатели у испытуемых чувашей ($KW-N=33,908$, $p<0,001$), как по социальным, так и возрастным характеристикам. По результатам исследования Г.Триандиса и его коллег, в коллективистских культурах больше аллоцентрических личностей, чем идеоцентрических. Наши данные это подтверждают. Среди татар, как представителей более коллективистских культур выраженность аффилиативных тенденций выше, чем среди русского и чувашского населения.

При многостороннем анализе результатов исследования высветилась следующая картина: для представителей интеллигенции (работники образования и здравоохранения) потребность в этнической аффилиации выше, чем для студентов и работников производственной сферы ($KW-N=13,065$, $p<0,001$). Наиболее контрастны статистические различия ($KW-N=20,734$, $p<0,001$) в этноаффилиативных тенденциях у татарской гуманитарной интеллигенции в сравнении с респондентами – татарами иных социальных слоев (рис.6)

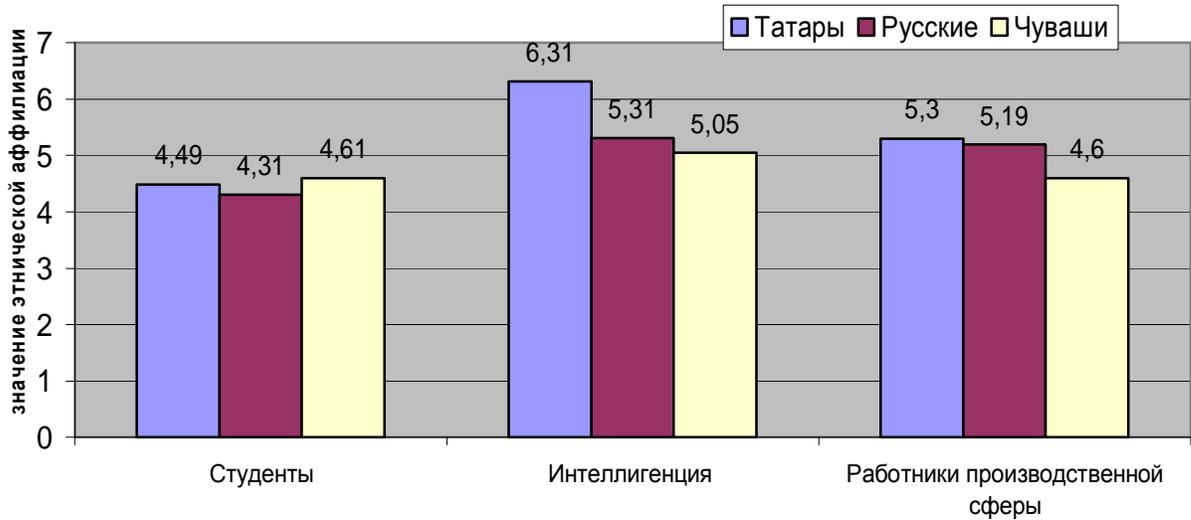

Рис. 6. Аффiliationные тенденции этнофоров разных социальных слоев

По возрастным позициям (рис.7) наблюдается тенденция увеличения этноаффiliationных установок с возрастом. Различия статистически значимы (для татар (KW-H=18,854, $p < 0,001$), для русских (KW-H=21,127, $p < 0,001$), для чувашей (KW-H=10,489, $p < 0,1$)). Старшее поколение в сравнении с молодым в понятия «национальность», «народ», «общность», «религия» вкладывает больше смысла. Для них значения этих слов означают сохранение этносов в его культурно-исторических проявлениях: обычаях, традициях, языке, нравственно-религиозных устоях, национальных обрядах.

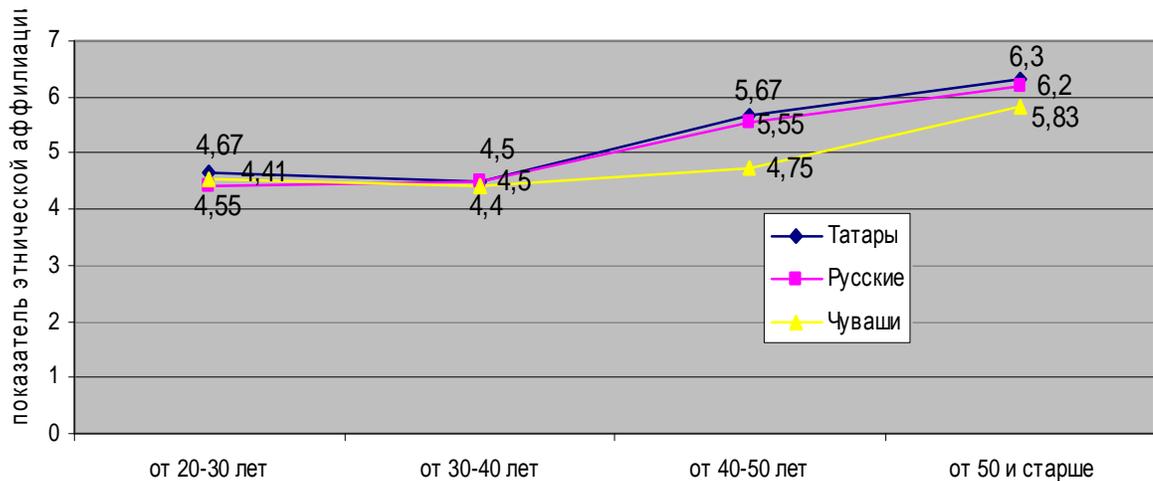

Рис. 7. Аффiliationные тенденции этнофоров разных возрастных групп

Индикатор потребности в этнической принадлежности более высок для тех, кто родился и вырос в селе, чем для городского населения, а также сильнее для тех, чье детство и юность проходили среди людей своей национальности, в сравнении с теми, кто вырос в многонациональной среде. Различия в ответах сельчан статистически значимы (KW-H=21,318, $p < 0,001$), но сохраняют

общий фон полученных в исследовании результатов, т. е. для татар характерен более высокий уровень этнической аффилиации. Самый низкий он у чувашей. Этнически ориентированные ценностные ориентации сильнее представлены у татар ($KW-H=21,318$, $p<0,001$) и чувашей ($KW-H=19,83$, $p<0,001$), чье детство и юность проходили в сельской местности; среди людей своей национальности (у татар ($KW-H=15,94$, $p<0,001$); у чувашей ($KW-H=8,653$, $p<0,01$)). Корни данного обстоятельства лежат в особенностях процесса адаптации этнофоров к условиям городской жизни.

Обобщая результаты проведенного социально-психологического исследования, можно констатировать, что в случае возникновения ситуаций напряженности представители русской и татарской национальности, проживающие в Поволжье готовы к сотрудничеству между собой и проявлению взаимного доверия, что детерминировано тысячелетним взаимопроникновением культур славянских и тюркских народов. Ныне это проявляется в комплиментарном сочетании языков, имен, обрядов, традиций, национальных праздников и т. д.

В параграфе 2.4. «Взаимные этнические образы русских, татар и чувашей, проживающих в Татарстане» анализируются и интерпретируются взаимные этнические стереотипы трех, наиболее распространенных этносов Татарстана. Содержание этнического стереотипа основано на «знании» общечеловеческих качеств этнофором, который склонен оценивать другие народы через призму ценностей своей этнической группы. На возникающие перцептивные искажения влияют: образованность этнофора, род занятий, принадлежность к определенной социальной группе, что видно из результатов нашего исследования русских, чувашей и татар разных социальных слоев Татарстана (см. табл.1), проведенного на выборке в 946 человек (327 русских, 325 татар, 294 чувашей) по этнопсихологической анкете. Каждому респонденту предлагалось написать в убывающем порядке (не меньше пяти) типичные национальные черты русских и соответственно татар и чувашей. Обработка результатов производилась методом контент-анализа.

Таблица 1

**Распределение в убывающем порядке названных качеств
разными социальными группами**

		Студенты				
		Русские		Татары		Чуваши
Этнические стереотипы с точки зрения русских	I	<u>Автостереотип</u> доброта-75%		I	хитрость-58%	
	II	простодушные-49%		II	религиозность-37% национализм-30%	
	III	пьянство-49% лень-42%		III	гостеприимство-28%	
Этнические стереотипы с точки зрения татар	I	пьянство-63%		I	<u>Автостереотип</u> чистоплотность-36%	

зрения татар	II	доброта-47%	II	аккуратность-34%	
	III	лень-41%	III	хитрость-32%	
Этнические стереотипы с точки зрения чувашей	I	доброжелательность-74%	I	национализм-63%	I <u>Автостереотип</u> трудолюбие -61%
	II	простота-79% отзывчивость-42%	II	расчетливость -52%	II доверчивость-58% добродушие -42%
	III	лень - 26%	III	чистоплотность - 26%	III застенчивость -42%

Работники образования

	Русские		Татары		Чуваши	
Этнические стереотипы с точки зрения русских	I	<u>Автостереотип</u> доброта-83% открытость-70%	I	трудолюбие-61%	I	гостеприимность-41%
	II	гостеприимство-52%	II	гостеприимство-61%	II	упрямство – 38%
	III	лень-39%	III	клановость-35%	III	общительность – 28%
Этнические стереотипы с точки зрения татар	I	доброта-44%	I	<u>Автостереотип</u> трудолюбие-53%	I	общительность – 48%
	II	открытость-35% щедрость-32%	II	чистоплотность-41%	II	безответственность – 33%
	III	откровенность-24%	III	почитание традиций-30%	III	неряшливость– 24%
Этнические стереотипы с точки зрения чувашей	I	гостеприимство-54%	I	национализм - 48%	I	<u>Автостереотип</u> общительность43%
	II	отзывчивость - 46%	II	уважительное отношение -47%	II	доверчивость-39%
	III	лень-29%	III	чистоплотность - 45%	III	простота – 22%

Работники здравоохранения

	Русские		Татары		Чуваши	
Этнические стереотипы с точки зрения русских	I	<u>Автостереотип</u> простота-62%	I	клановость-79%	I	бесконфликтность миролюбие – 57%
	II	гостеприимство-44%	II	гостеприимство-43%	II	неряшливость- 34%
	III	безалаберность-38%; лень-36%	III	трудолюбие-43% хитрость-41%	III	-
Этнические стереотипы с точки зрения татар	I	веселость-59% щедрость-48%	I	<u>Автостереотип</u> клановость-61%	I	хозяйственность- 38%
	II	раскованность-44%	II	гостеприимство-55% трудолюбие-58%	II	честность-35%

	III	пьянство-37% лень-31%	III	чистоплотность- 49%	III	-
Этнические стереотипы с точки зрения чувашей	I	доброта – 55%	I	трудолюбие – 68%	I	<u>Автостереотип</u> добродушие- 52%
	II	бесшабашность, «русское авось»30%	II	аккуратность – 47%	II	гостеприимность- 41%
	III	пьянство-24%	III	уважительность – 36%	III	честность-28%

Государственные служащие

	Русские		Татары		Чуваши	
Этнические стереотипы с точки зрения русских	I	<u>Автостереотип</u> доброта-56%	I	национализм-51% клановость-49%	I	дружелюбие – 47%
	II	гостеприимство- 44%	II	аккуратность-40%	II	доверчивость -36%
	III	безалаберность- 42% пьянство-37% лень-26%	III	хитрость-33%	III	скромность- 31%
Этнические стереотипы с точки зрения татар	I	гостеприимство- 41% доброта-45%	I	<u>Автостереотип</u> чистоплотность- 41% доброта-37%	I	выносливость в труде -54%
	II	открытость-45%	II	гостеприимство- 37%	II	общительность-34%
	III	беспечность-23%	III	трудолюбие-34%	III	любят лесть, самолюбие-28%
Этнические стереотипы с точки зрения чувашей	I	доброта – 66%	I	хитрость -54% национализм- 39%	I	<u>Автостереотип</u> доброта -62% трудолюбие-56%
	II	бесшабашность- 45%	II	трудолюбие – 37%	II	скромность-33%
	III	общительность- 34%	III	гостеприимность- 35%	III	упорство -31

Рабочие

	Русские		Татары		Чуваши	
Этнические стереотипы с точки зрения русских	I	<u>Автостереотип</u> доброта-82%	I	национализм-42%	I	трудолюбие, усердие – 74%
	II	простота-73%	II	хитрость37% религиозность36%	II	доброта – 45%
	III	трудолюбие-54% отзывчивость-48% пьянство-33%	III	клановость-35%	III	простота – 37%

Этнические стереотипы с точки зрения татар	I	доброта-57%	I	<u>Автостереотип</u> трудолюбие-69%	I	трудолюбие – 78%
	II	простота-44%	II	гостеприимство-44%	II	честность – 34%
	III	гостеприимство-38%	III	доброта-32%	III	гостеприимство -29%
Этнические стереотипы с точки зрения чувашей	I	гостеприимство-71%	I	гостеприимство-69%	I	<u>Автостереотип</u> выносливость в труде – 68%
	II	доброта-68%	II	трудолюбие-52%	II	гостеприимство-47% доброта-42%
	III	пьянство-43%	III	взаимовыручка-38%	III	честность -34% упрямство - 27%

При рассмотрении результатов исследования видно, что большинство татар в представителях русской национальности указывают на доброту, щедрость (хлебосолюство) и открытость. У представителей своей национальности во главу угла ставят трудолюбие (33%), чистоплотность (27%) и гостеприимство (36%). К не предпочитаемым чертам характера татарского народа чуваша и русские относят национализм и хитрость (38%). Русские, в свою очередь, татар видят трудолюбивыми и гостеприимными, но большинство респондентов указывают на клановость (общинность). В автостереотипах русских приоритетными характеристиками национальных особенностей являются доброта и открытость, хотя упрекают себя за излишнее пристрастие к спиртным напиткам (30%) и 31% указывают на лень; полученные данные также подтверждаются в гетеростереотипах, указанных представителями чувашской и татарской национальности. Чувашский народ предстает в глазах русских и татар очень трудолюбивым, более 70% этнофоров отмечают данное качество в числе первостепенных. Также подчеркивается упорство чувашей, честность, добродушие и неряшливость, необходимо отметить, что данные согласуются с их автостереотипом.

При анализе результатов исследования можно обнаружить сходство авто- и гетеростереотипов каждого из народов. Это сходство свидетельствует о близости оценок и самооценок каждого из титульных народов Татарстана, во-первых, а во-вторых, - о достаточно позитивном взаимном образе своих иноплеменных соседей. Наличие большого количества схожих оценок в представлениях о себе с мнением представителей другой национальности позволяет сделать вывод об адекватности образов представлений друг о друге людей трех, рассматриваемых национальностей. Сходства между автостереотипом и гетеростереотипом отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности. Более того, подобная согласованность позволяет сделать вывод об истинности существующих этнических стереотипов и об их вполне точном и «корректном» отражении действительности. Некоторые различия в сложившихся стереотипах у разных социальных слоев населения обусловлены разной

частотой контактов двух этносов в их общественных отношениях и профессиональной деятельности.

Соотнося взаимные представления трех соседствующих в Татарстане этносов, можно констатировать их комплиментарность, сокращающую этнокультурную дистанцию. События, происходящие в России в последние годы, подтвердили взаимную толерантность народов и устойчивость межэтнических отношений в полиэтничном регионе Среднего Поволжья, которые обусловлены геополитическими факторами и выверены историческими испытаниями

В заключение диссертации подводятся итоги исследования, предлагаются следующие **выводы**:

1. Установлено, что сложившаяся к 2007-му году этнопсихологическая ситуация в республике Татарстан характеризуется как приемлемая для проживания в ней многоликих этнических общностей и народов Среднего Поволжья.
2. Обнаружено, что среди сельских жителей межэтническая дистанцированность проявляется ярче, чем среди горожан тех же национальностей. В количественном выражении статистические различия значимы.
3. Выявлено, что наибольшая тенденция к культурной интеграции и ассимиляции с народами Татарстана проявляется у чувашей, наименьшая – у татар.
4. Определено, что среди социальных слоев населения Татарстана этническая самоидентификация как защитный механизм сохранения своей национальной самобытности с тенденцией к этноцентризму проявляется у русских рабочих в городах и у сельских татар, работающих в производственной сфере.
5. Обнаружено, что наибольшую склонность к интеграции в межэтнических отношениях проявляет молодежь Татарстана в возрасте до 30-ти лет. Старшие возрастные группы населения менее тяготеют к кросскультурному взаимодействию с соседствующими этносами и увеличивают дистанцированность с ними, ограничиваясь профессиональным сотрудничеством.
6. Выявлено, что русские, татары и чувашаи имеют сходство этнических авто- и гетеростереотипов, что свидетельствует о близости оценок и самооценок каждого из этносов и о позитивном взаимном образе своих соседей.
7. Определено, чем плотнее коммуникации в деятельности, общении и быту между народами, проживающими на ограниченной территории, тем выше их взаимное этнопсихологическое принятие и ассимиляционные тенденции. Образовательный уровень населения на показатель межэтнической дистанцированности не влияет.
8. Установлено, что зафиксированная по состоянию на 2007 год максимальная дистанцированность сельских татар от других народов Татарстана в силу своей устойчивости и межпоколенной преемственности

может представлять потенциальный источник межэтнической напряженности при возникновении социально-экономического кризиса.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях. Рекомендованных ВАК:

1. Додина, Р. Р. Взаимные этнические образы русских, татар и чувашей Татарстана [Текст] / Р.Р.Додина // Вестник Томского государственного университета – 2008.- №308. – С.154-157.

Другие публикации автора:

2. Додина, Р. Р. Этнопсихологическое взаимодействие русских, татар и чувашей, проживающих в Татарстане [Текст] / Р.Р.Додина // Международная научно-практическая конференция «Этнодидактика народов России». – Нижнекамск: НМИ, 2006. – С.54-59.
3. Додина, Р. Р. Взаимная этнопсихологическая приемлемость народов Татарстана [Текст] / Р.Р.Додина // Психология и духовность человека в системе рыночных отношений: материалы III съезда психологов Чувашии. – Чебоксары, Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С.361-365.
4. Додина, Р. Р. Взаимная этнопсихологическая толерантность народов Татарстана [Текст] / Р.Р.Додина // Международная научно-практическая конференция «Практическая психология: от фундаментальных исследований до инноваций». – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С.45-48.
5. Додина, Р. Р. Этноаффилиативные тенденции в поведении русских, татар и чувашей [Текст] / Р.Р.Додина // V международная научно-практическая конференция «Этнодидактика народов России». – Нижнекамск: НМИ, 2007. – С.210-211.
6. Додина, Р. Р. Ценности поликультурной среды [Текст] / Р.Р.Додина // Всероссийская научно-практическая конференция «Человек в системе социальных изменений». - Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2007. – С.264-266.
7. Додина, Р. Р. Стереотипные представления русских, татар и чувашей, проживающих в Татарстане [Текст] / Р.Р.Додина // Межвузовская научно-практическая конференция «Социальная психология сегодня: наука и практика». – СПб: Изд-во СПбГУП, 2007. – С.48-50.
8. Додина, Р. Р. Эмпирическое исследование этнопсихологических особенностей русских, татар и чувашей Татарстана [Текст] / И.М.Юсупов, Р.Р.Додина // Международная научная конференция «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии». – Смоленск: Универсум, 2008. – Т.2. – С.398-402.
9. Додина, Р. Р. Этнические стереотипы основных народов Татарстана [Текст] / Р.Р.Додина // Международная научно-практическая конференция «Этнодидактика народов России». – Нижнекамск: НМИ, 2008. – С.343-345.